

СЛОЖНЫЕ СЛОВА И СЛОВОСЛОЖЕНИЕ.

Мунинова Наргиза Абдурахмановна

Студентка 2 курса

Хушмуротова Мукаррама Хаким кизи

Ташкентский Институт Текстильной и Легкой
Промышленности, Старший Преподаватель кафедры
“узбекского и иностранных языков”,
<https://doi.org/10.5281/zenodo.7793651>

Аннотация: В статье предлагается типология сложных слов русского языка в термины их «внутренней» синтаксической и семантической структуры. В композитах, полученных из предикативных словосочетаний различают подлежащее, дополнение, местное, временное и др. семантические модели отношений между сказуемым и зависимым словом. Композиты с опорным существительным могут быть образованы как от словосочетаний с композиционной связью, так и от словосочетаний с подчинительной связью (с отношения функциональной, сравнительной и атрибутивной зависимости в широком смысле). Точно так же составные слова со ссылочным прилагательным, числительным и счетными словами являются проанализировано. В статье содержится критика некоторых положений академического "Русская грамматика"

Ключевые слова: сложные слова, словосочетания, словообразование, синтаксис, семантика, вывод, русский язык

Понятие «сложное слово» относится к морфемному составу слова и применяется к словам, имеющим в своем составе более чем одну лексическую основу. Иначе говоря, это статическое, описательное понятие. В отличие от этого словосложение – понятие, относящееся к динамическому представлению языка. Оно подразумевает словообразовательный акт объединения двух или более слов (точнее, их основ) в одно слово. Поскольку образованное таким способом сложное слово может стать основой дальнейшей деривации, то его производные, будучи сложными словами, уже не имеют прямого отношения к акту словосложения. Например, слово водопроводчик является сложным словом, поскольку содержит два полнозначных лексических компонента (вод- и провод-), но при этом должно считаться не продуктом словосложения, а продуктом суффиксальной деривации от сложного слова водопровод. Сложные слова, независимо от их первичности или вторичности, изучаются традиционно в разделе словообразования, где предметом изучения становятся морфонологические (усечение основ, чередования, сдвиг ударения и т. п.), грамматические (именные, глагольные, местоименные и т. д. основы) и семантические отношения (подчинительные, сочинительные) между компонентами сложного слова. При этом отдельно рассматриваются сложные существительные, сложные прилагательные и т. д. В пределах каждой части речи сложные слова анализируются с точки зрения грамматических характеристик составляющих их основ, прежде всего их второго компонента («сложения с опорным компонентом, содержащим основу существительного», «сложения с опорным компонентом, содержащим глагольную

основу» и т. п.). Этот описательный подход, реализованный в «Русской грамматике», имеет дело, таким образом, с продуктами словосложения и дальнейшей деривации.

Принятая сугубо словообразовательная трактовка сложных слов не усматривает никаких семантических различий между первыми компонентами таких сложных слов, как водопад, водопой, водоплавающий, водоросли, водолечение, водозащитный, водоканал и т. п., между тем как в них этот одинаковый с точки зрения словообразования субстантивный компонент водо- имеет разные значения и по-разному соотносится со вторыми компонентами сложных слов (независимо от принадлежности целого сложного слова к той или иной части речи и от категориальной семантики – имя действия, деятеля, предмета, признака и т. п.): он может указывать на субъект действия (водопад, водосток), прямой объект действия (водопой, водобоязнь, водопроводчик), косвенный объект действия (водозащитный, водоупорный), локус действия (водолаз, водоплавающий, водоросли), «инструмент» действия (водолечение, водокрестие), может быть атрибутом (водоканал) и т.п. Вместе с тем, в РГ постоянно присутствует понятие мотивации (мотивирующего слова), которое, однако, тоже понимается статически, как указание на так называемый опорный компонент сложного слова. Например, утверждается, что для слова зубоврачебный опорным словом служит прилагательное врачевный (в свою очередь мотивированное существительным врач), для слова ранневесенний – прилагательное весенний; для слова разносторонний – прилагательное сторонний, для чистошерстяной – прилагательное шерстяной, для трёхсекционный – прилагательное секционный и т. п. При таком представлении семантика первых компонентов этих слов остается совершенно непроясненной в их отношении к опорному слову: как семантически соотнести зубы и врачевный, три и секционный, ранний и весенний? Ясно, что их связь лежит за пределами этих сложных слов, она продолжает вполне прозрачные синтаксические и семантические отношения реальных мотивирующих словосочетаний зубной врач, три секции, ранняя весна, от которых вполне стандартным способом образованы сложные прилагательные. В РГ, как и во многих специальных работах, посвященных сложным словам, совершенно неоправданно опорный компонент признается непосредственно мотивирующим; когда же этот компонент не представлен в словаре в качестве самостоятельного слова, конструируется «суффиксально-сложный тип прилагательных». Например, поскольку нет самостоятельного прилагательного бережный (от берег), а есть береговой, то в слове левобережный усматривается «сложный тип словосложения» (вероятно, предполагающий замену одного суффикса на другой), хотя при естественном понимании прилагательного левобережный – не как сложения левый и береговой с дальнейшим преобразованием, а как деривата от словосочетания левый берег – ничего сложного и нестандартного в таком слове не обнаруживается. Мы имеем здесь дело, таким образом, не со словосложением в буквальном смысле слова, а с конденсацией (адъективизацией) словосочетания. То же самое можно сказать о чистошерстяной (не от чисто + шерстяной, а от чистая шерсть), односложный (не от один + слоговой, а от один слог), прошлогодний (не от прошлый + годовой, а от прошлый год), многодетный (не от много + детский, а от много детей), одноименный (не от один + именной, а от одно имя) и т.

Сложные слова и словосочетания . Сложных слов в русском языке при ближайшем рассмотрении оказывается очень много, например, среди существительных женского рода 1-го склонения их не менее трети (согласно ГС); немало их и среди прилагательных, меньше среди наречий и очень мало среди глаголов. Почему вообще разные слова в языке стремятся слиться друг с другом в одно слово? Представляется, что здесь нет полного произвола или случайности. Соединяются друг с другом слова, составляющие более или менее устойчивые (или более или менее свободные) словосочетания¹ . Несколько огрубляя, можно сказать, что за каждым сложным словом стоит словосочетание. Поэтому проблема сложных слов лежит не только в области словообразования, но и в области синтаксиса и семантики словосочетаний. Очень определенно высказывался в пользу такого подхода Э. Бенвенист:

Импульс, приведший к появлению сложных имен, исходил не из морфологии, в рамках которой он не диктовался никакой необходимостью; начальной точкой были синтаксические конструкции с их разновидностями предикации. Именно синтаксическая модель открывает возможность для появления морфологического сложного имени и производит его путем трансформации . Почти полтора века тому назад великий русский славист И.И. Срезневский опубликовал статью «Замечания об образовании слов из выражений» , где впервые показал регулярность образования сложных слов из словосочетаний (он называл их выражениями). Он писал: Слова, составленные из глагольных выражений, могут быть вообще разделены на два отдела: в одни преобразовались глаголы с приложением слов качественных: красно баять – краснобай, скоро говорить – скороговорка, скоро спеть – скороспелый; в других слились глаголы с существительными: брать крохи – крохобор, валить сено – сеновал, валять сукно – сукновальня, лазить в воду – водолаз, летать зимою – зимолёт, родить зимою – зимород, мерить глазами – глазомер. К сожалению, в дальнейшем этот подход в отечественной лингвистике не получил признания и продолжения. В.В. Виноградов скептически относился к попыткам некоторых ученых истолковать словосложение как словообразовательную операцию над словосочетаниями: Образование слов при посредстве словосложения (основосложения), конечно, должно описываться с учетом связи и соотношения соединяемых слов: например, скопидом, толстосум, вертопрах, щелкопер, теплоход и т. д.; жизнерадостный, морозостойкий, огнеупорный. Однако анализ разных типов словосложения на основе прямой аналогии с соответствующим словосочетанием в составе предложения (например, жизнерадостный – ‘радующийся жизни’; морозостойкий – ‘стойкий по отношению к морозам’ и т. п.) неправилен.

Были, однако, и сторонники «синтаксического» подхода: так, в работе В.П. Григорьева (1956) читаем: «Очевидно, причины различий в степени употребительности того или иного компонента сложного существительного следует искать не в морфологической аналогии, а в синтаксисе словосочетаний» . К чему привел отказ от динамического подхода в пользу описательного и недооценка синтаксического аспекта словосложения, видно из примеров РГ, приведенных выше . Сложение представляет собой по сути дела конденсацию – субстантивацию, или адъективизацию, или вообще универбизацию словосочетаний с помощью тех же формальных методов, которыми пользуется словообразование (плюс некоторые специфические приемы морфонологической редукции сочетающихся основ и их соединения с помощью

коннекторов). Сложные слова сохраняют те же синтаксические и семантические отношения между своими членами, которые связывали компоненты словосочетаний, ставших основой сложения, причем эти свойства остаются таковыми не только в первичных сложениях, но и в дальнейших дериватах и в самых разных словообразовательных оформлениях, ср. одно и то же объектное значение водо- в водоочистка, водоочиститель, водоочистной, водоочистительный (< очистить/очищать воду). С другой стороны, эти же объектные отношения характеризуют и сложные слова, в которых водосоединяется с другими предикатными основами: водолубивый, водорез, водоотвод, водовоз, водосвятие, водохранилище, водомерка, водораспылитель и т. д. Поэтому число производящих словосочетаний значительно меньше числа производных от них сложных слов, а с другой стороны, за одним сложным словом может стоять более чем один акт словосложения. Например, слово электровозостроение (< строить электровозы) представляет собой продукт соединения сложного слова электровоз, являющегося результатом сложения основ электро- (< электрический) и -воз (< возить), и глагольной основы строй- (< строить); иначе говоря, мы имеем дело с двухуровневой конструкцией сложения и дальнейшей деривацией: ((электро+воз)+строй-) (ение)). Такому пониманию дела (зависимости словосложения от словосочетаний) мешают два обстоятельства, связанные с нечеткостью понятий сложное слово и словосочетание и размытостью границ между ними. Главным критерием отнесения двусоставной номинации к сложным словам считается ее так называемая цельнооформленность, при которой морфологические характеристики слова принадлежат одному из составляющих (как правило, второму). Если же морфологическое оформление получают оба компонента составной номинации, то такие единицы считаются не сложными словами, а словосочетаниями. Между тем этот критерий не является абсолютным. Существуют такие составные номинации, которые колеблются в своем статусе и соответственно оформляются по-разному (ср. Москва-река, в Москвереке, но разговорное в Москва-реке; члены-корреспонденты и член-корреспонденты). Кроме того, нередко к сложным словам причисляются и такие составные номинации, в которых морфологически оформляются оба компонента. Так, в «Грамматическом словаре русского языка» (ГС) на правах отдельных лексических единиц (слов) включены баба-яга, креслокровать, житьё-бытьё, казаки-разбойники, лук-порей и др., не удовлетворяющие принципу цельнооформленности, но соответствующие другому, синтаксическому, критерию отдельного слова – единому «внешнему» согласованию (ср. на новом диване-кровати). Не относятся к сложным словам и конструкции с приложением типа сестра-хозяйка, студентотличник, которые считаются аппозитивными словосочетаниями.

Вторая трудность связана с тем, что среди сложных слов есть такие, компоненты которых связаны не подчинительной, а сочинительной связью, а такие комбинации слов не признаются словосочетаниями, см. также . Например, из конструкции однородных определений белый, синий, красный (не являющейся по принятым понятиям словосочетанием) при их универбизации получается сложное прилагательное бело-синекрасный (скажем, российский флаг) с явно сочинительной связью; из конструкции лес и степь получается сложное слово лесостепь, из хлеб и соль или хлеб с солью получается хлеб-соль и т. п. Не считаются словосочетаниями и однородные члены предложения, соподчиненные одному слову, например, длинный

серый (дом), красивая соломенная (шляпа) и т. п. Из таких конструкций с однородными, но разноаспектными определениями как правило, сложных слов не возникает, но все же примеры такого рода можно найти: ср. пушкинское «тяжелозвонкое скаканье по потрясенной мостовой» («Медный всадник»), где тяжелый и звонкий относятся к разным аспектам определения. Еще одна проблема состоит в том, что одно и то же сложное слово может быть признано результатом конденсации разных словосочетаний. Например, зерносклад может быть соотнесен с несколькими словосочетаниями:

- 1) складывать зерно;
- 2) склад зерна;
- 3) зерновой склад, соответственно этому для компонента зерно- будут постулированы разные семантикосинтаксические функции:

- 1) прямой объект действия (ср. складывать зерно);
- 2) содержание контейнера (ср. склад мебели);
- 3) атрибутив (ср. продуктовый склад).

Слово быстрое действие в принципе может быть дериватом как словосочетания быстро действовать, так и словосочетания быстрое действие, свободомыслие – соотноситься как со словосочетанием свобода мысли, так и со словосочетанием свободно мыслить и т. п. После этих общих замечаний рассмотрим основные типы сложных слов, группируя их в соответствии с синтактико-семантическими типами словосочетаний, лежащих в их основе. Эти типы выделяются исходя из характера главного, управляющего (синтаксически независимого) члена словосочетаний: глагола, существительного, прилагательного или числительного.

Сложные слова, производные от адъективных словосочетаний (управляющий член – прилагательное)

S+A. Сложения существительных с прилагательными.

Сложения, возникающие из словосочетаний прилагательного с несогласованным управляемым существительным, немногочисленны и ограничены в своем втором компоненте (прочный, способный, стойкий, устойчивый), но при этом продуктивны, т. е. способны сочетаться с новыми существительными в качестве первого члена: жаропрочный (прочный, устойчив к жаре), водопроочный (прочный к воде), платежеспособный (способный к платежам), жизнеспособный (способный к жизни), трудоспособный (способный к труду), кредитоспособный (способный обслуживать кредит), работоспособный (способный к работе), обороноспособный (способный к обороне), морозостойкий (стойкий к морозу), влагостойкий (устойчивый к влаге), холодостойкий (устойчивый к холоду), водостойчивый (устойчивый к воде), засухоустойчивый (устойчивый к засухе), помехоустойчивый (устойчивый к помехам), и т.п. Сюда же, видимо, относится и лихорадка (рад лиху) и злорадный (рад злу). К ним близки сложения с прилагательным подобный / подобен: змееподобный (подобен змее), громopodobный (подобен грому), женоподобный (подобен женщине) и т. п.

Сложения на основе сравнения: угольно-черный (черный как уголь), снежно-белый (белый как снег), пепельно-серый (серый как пепел), небесно-голубой (голубой как небо) и т. п.

A+A. Сложные слова, объединяющие основы двух (и более) прилагательных, по своей синтаксической и семантической структуре распадаются на несколько типов.

Сложения на основе сочинительной связи с семантикой конъюнкции: черно-белый (черный и белый), бело-сине-красный (флаг), кисло- -сладкий (кислый и сладкий), глухонемой (глухой и немой), голодранец (голый и драный), осенне-зимний (осенний и зимний).

Сложения на основе подчинительной связи, в которых первый член характеризует не определяемое существительное, а второе прилагательное: бледно-розовый – это не бледный и розовый, а розовый слабого оттенка (т. е. эти два прилагательных не являются соподчиненными определяемому существительному; ср. понятие иерархического соподчинения в работе ; то же самое ярко-красный (не яркий и красный, а яркий красный), светло-зеленый, тёмно-красный и т.

Семантика степени (весь выступает в наречной функции в сочетаниях с адъективными основами, часто с основами превосходной степени): всемилостивый, всевышний, всесовершенный, всеусердный, всечестнейший, ср. также наречия всенижайшее, всеконечно, всепокорнейше). Слово всеобщий может пониматься двояко – в наречном и в объектном значении, т. е. как 'общий в высокой степени' или как 'общий для всех.

Заключение . В статье предложен весьма сжатый и схематичный обзор основных синтактико-семантических типов сложных слов (непосредственных результатов словосложения), которые реконструируются из большого числа композитов, относящихся к разным частям речи и разным словообразовательным моделям. Каждый из них, конечно, требует специального обстоятельного изучения. Мне важно было показать, что синтаксические и семантические отношения между компонентами, характерные для производящих словосочетаний, сохраняют свое значение и в структуре производных сложных слов, к каким бы моделям деривации (семантическим и словообразовательным) они ни относились. Более того – они сохраняют свое значение и во вторичных дериватах, т. е. в сложных словах второй, третьей и т. д. степени производности. Однотипные по своей словообразовательной структуре сложные слова могут иметь совершенно разную семантику в зависимости от тех синтаксических и семантических отношений, которые связывают компоненты исходных словосочетаний. Например, слова солнцезащитный 'защищающий от солнца' и почвозащитный 'защищающий почву' при одинаковой словообразовательной структуре (имя + отглагольное сущ.) имеют совершенно разные значения, поскольку в исходных словосочетаниях представлены разные синтактико-семантические модели: защищать от солнца (предикат и его косвенный объект) и защищать почву (предикат и его прямой объект).

Литература:

1. Бенвенист Э., 1974, Синтаксические основы именного сложения (1967), [в:]
2. Бенвенист Э., Общая лингвистики, Москва: Прогресс. Васильев В.Л., 2005, Архаическая топонимия Новгородской земли (древнеславянские деантропонимические образования), Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
3. Виноградов В.В., 1975, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, [в:] Виноградов В.В., Избранные труды. Исследования по русской грамматике, Москва: Наука, с. 166–220 (первое издание статьи 1952 г.).

4. Григорьев В.П., 1956, О границах между словосложением и аффиксацией, «Вопросы языкознания», № 4, с. 38–52. ГС = Зализняк А.А., 2003, Грамматический словарь русского языка, изд. 4-е, Москва: Русские словари. Гудилова С.В., 2005, Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке (на материале неологизмов второй половины XX века), автореферат дисс. ... канд. филол. наук, Москва.
5. Журавлев А.Ф., 1982, Технические возможности русского языка в области предметной номинации, [в:] Способы номинации в современном русском языке, отв. ред. Д.Н. Шмелев, Москва: Наука, с. 45–109. Зализняк А.А., 2012, Механизмы экспрессивности в языке, [в:] Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука, Москва: ЯСК, с. 650–671.
- 6.Иорданская Л.Н., 2000, Соподчинение прилагательных в русском языке (по следам Вендлера), [в:] Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна, ред. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин, Москва: ЯСК, с. 379–390.
- 7.Молошная Т.Н., 1973, Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках, [в:] Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков, отв. ред. А.А. Зализняк, Москва: Наука, с. 87–104.
- 8.РГ 1980 , Русская грамматика, т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; т. 2: Синтаксис, Москва: Наука..

